

А. А. Григорьевъ

Оппозиція застою

Черты изъ истории мракобѣсія

Время. 1861. N 5

Ты видишь: я припоминаю,

Алеко, старую печаль.

Пушкинъ.

I

Бываютъ въ литературѣ вещи, которыя совершенно ускользаютъ отъ вниманія современниковъ, но которыя, для послѣдующихъ поколѣнй, представляютъ собою факты въ высшей степени замѣчательные, озаряютъ цѣлыя направленія. Такихъ вещей не надобно искать промежду крупныхъ литературныхъ явленій, ибо въ такомъ случаѣ онѣ были бы замѣчены современниками; такія вещи пишутся обыкновенно безъ всякихъ притязаній на какое либо значеніе, пишутся такъ, вполнѣ отъ души, вполнѣ наивно. Въ нихъ мысль извѣстныхъ направленій является по домашнему, на распашку, какъ можетъ быть и не хотѣли бы показать ее головы извѣстныхъ направленій, или по крайней мѣрѣ, какъ не хотѣли бы они показать ее сначала. Въ такихъ проговоркахъ направленій, -- проговоркахъ по большей части неожиданныхъ и раннихъ, сказывается нѣчто роковое... Рада бы курочка не идти, да за хохолокъ тащутъ.

Къ числу такихъ наивныхъ и въ историческомъ смыслѣ драгоцѣнныхъ вещей принадлежитъ письмо благороднѣйшаго изъ смертныхъ М. Н. Загоскина къ издателю первоначальнаго "Маяка" -- 1840 года, Петру Александровичу Корсакову, -- письмо, которое издатель, какъ самъ говоритъ въ примѣчаніи, помѣстилъ, скрѣпя сердце.

Въ своемъ родѣ, это наивное письмо Загоскина такъ же смѣло, какъ знаменитое письмо Чаадаева. Не надобно забывать только неизмѣримую разницу между авторами писемъ въ отношеніи къ умственному ихъ развитію, равно какъ и того, что одинъ, Чаадаевъ, разсѣкъ хорошо ли, худо ли гордіевъ узелъ лжи, а другой... другой только открылъ заткнутое до тѣхъ поръ отверстіе, изъ котораго полилась всякая нечистота.

Вотъ это письмо. Я привожу его цѣликомъ, какъ очень немногимъ извѣстное и всѣми забытое, а между тѣмъ знаменательное по отношенію къ вопросу, составляющему предметъ моихъ изслѣдованій.

"Любезный другъ, Петръ Александровичъ! Давно уже я собираюсь писать къ тебѣ и поблагодарить тебя за истинное удовольствіе, которое приноситъ мнѣ чтеніе твоего изданія, и вотъ наконецъ собрался, тогда какъ бы мнѣ вовсе писать не слѣдовало, потому что я, измученный ужасными спазмами, три дня уже ничего не ѣлъ и едва могу отъ слабости сидѣть на стулѣ; *но сердце мое не терпитъ нѣмоты* -- я прочелъ или, лучше сказать, проглотилъ послѣднюю (IV) часть "Маяка" -- ретивое закипѣло, стклянку съ микстурой за окно, перо въ руку и пишу."

Прежде всего надобно замѣтить, что М. Н. Загоскинъ былъ именно одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ вполнѣ искреннихъ и чистыхъ людей, у которыхъ "сердце не терпитъ нѣмоты". Стоитъ только прочесть очеркъ его личности, художнически набросанный С. Т. Аксаковымъ въ біографіи Загоскина и въ разныхъ мѣстахъ "Воспоминаній", чтобы въ этомъ убѣдились всѣ читатели, незнавшіе Загоскина, какъ писателя и какъ человѣка. Что Загоскинъ былъ точно боленъ и точно оживленъ чтеніемъ "Маяка" до того, что стклянки съ лекарствами полетѣли въ окно, и что онъ тотчасъ же схватилъ перо, чтобы передать свои впечатлѣнія, въ этомъ грѣхъ и сомнѣваться. Что же, спрашивается, подвигло и оживило такъ эту добрую, честную, искреннюю натуру, которая до старости воспламенялась легко какъ сѣрная спичка? Что?... А вотъ послушайте:

"Боже мой! сколько въ этой части прекрасныхъ вещей? *что за логическая, свѣтлая и умная голова*